

Д
РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

а л е к с е й

Н А С Т

БОЕЦ

Русский детектив

Алексей Наст

Боец

«Центрполиграф»

2019

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Наст А.

Боец / А. Наст — «Центрполиграф», 2019 — (Русский детектив)

ISBN 978-5-227-08677-8

Самоубийство пациента психиатрической больницы не произвело на бывшего сотрудника полиции Павла Серёжина особого впечатления. Немного любопытства вызвало творчество больного – тетрадка с текстом фантастического романа, предсказывающего будущее. Зато хорошенькая медсестричка Маша, с которой покойный делился своими видениями, Павла заинтересовала. Особенно тем, что смотрела на сотрудника органов с почтительным восхищением. Павел сделал вид, что поверил пророчествам психа, и предложил Маше расследовать неожиданно появившиеся факты, вроде бы подтверждающие правоту погибшего. У него как раз намечался отпуск, и любвеобильный Паша рассчитывал закрутить роман, жаркий и ни к чему не обязывающий...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08677-8

© Наст А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Алексей Наст Боец

«Это было время повсеместного процветания. Каждый житель планеты и народы в целом гордились своей человеческой природой. Не было войн и катаклизмов. Уровень жизни достиг небывалых высот. Самые неразвитые страны ежегодно убыстряли свой экономический рост, внося посильную лепту в бурный расцвет цивилизации. Несколько веков подряд земля приносила небывалые урожаи, мораль и нравственность совершенно вытеснили звериное из людских душ.

Впоследствии то время стали называть Эрой благоденствия...

И никто не мог представить на пороге Эпохи процветания, что причиной небывалого толчка в истории человечества станет возрождение одного северного государства, возрождение тем более неожиданное, что современники начала подъема изнывали от безысходности, ожидая полнейший коллапс. Страна дышала на ладан. Временная стабилизация представлялась именно временной.

Тут и там раздавались пророчества о дальнейшем распаде уже распавшегося. Народ мучился в тисках экономической катастрофы, политики занимались преступным сколачиваем личных состояний и вывозом их за рубеж, бандиты, опираясь на коррупцию органов власти и правопорядка, творили насилие, насаждая беспредел во всем. Некогда великий суперэтнос умирал...

В те дни, когда Мировое Зло готовило последний удар, дабы установить свой звериный порядок на бессильной и почти покорной планете, явился Боец. Он осознал, что явился...»

Сережин захлопнул общую тетрадь с замусоленными страницами, еще раз окинул взглядом палату – серые стены, кровать, тумбочка, большое окно с разбитым стеклом, выпиленная огромная дыра в решетке. Оглянулся на медсестру – худенькую, с плотно сжатым ртом. Наверное, красивую, но сейчас, в белом халате и белой косынке, похожую на подопытную лабораторную мышь.

– Кто нашел погибшего?

– Наш уборщик. Он утром чистил двор, тут и увидел, что Алешковский лежит мертвый, – выпалила медсестра.

– Как вас зовут? – улыбнулся Сережин.

– Маша.

– Очень приятно. Павел. Тетрадь я заберу. Как же получилось, Маша, что ваш подопечный выпилил решетку, а вы ничего не расслышали?

– Спала.

Медсестра пожала плечами и покраснела. Сережин усмехнулся. Все медсестры одинаковы. Во всех больницах.

– А почему в вашей клинике до сих пор стоят старые рамные окна, а не пластиковые? Ему было бы нелегко разбить тройной стеклопакет.

Вопрос остался без ответа, да и задавал его Павел не по адресу – это дело руководства, куда направлять финансы, на замену окон или повышение собственной зарплаты.

Он еще раз окинул взглядом палату. Вошли оперативники:

– Нету пилки. Нигде нет.

– Плохо ищите. Что говорит медэксперт?

– Алешковский при падении сломал позвоночник, но был жив. Умер часа два назад.
– Уборщик почему-то не решился найти его, пока он был еще жив, – хмыкнул Сережин. – Давайте, парни, еще и еще раз все переройте. Хотя рыть здесь негде. А с вами, Маша, мы поговорим позже.

Он улыбнулся испуганной медсестре и, выйдя из палаты, решительно направился в кабинет главврача, где уже «работали» Соболев и Аксюшкин. Соболев был помощником Сережина, а Аксюшкин – начальником всего оперативно-следственного отдела, увязался с дежурной группой благодаря общегородскому рейду «Правопорядок».

Резко постучав в дверь, Павел вошел в кабинет.

Главврач, лысоватый сорокалетний мужик, был бледен. Соболев черкал фигурки в своем блокнотике. Аксюшкин улыбался. Обернувшись хозяином, заявил:

– Вот и Павел Иванович. Проходи, Паша, – по-хозяйски предложил Аксюшкин. – Нам главный врач этого веселого заведения невероятные истории о погибшем рассказывает.

– Интересно послушать, – хмыкнул Павел, садясь с краю длинного стола.

– Так вот, – продолжал главврач. – Помимо всех его заявлений об опасности, грозящей ему лично, он упорно твердил о вселенской угрозе всему человечеству. Его и доставили к нам не как обычно, – из вашего же ведомства к нам поступил, – нашли на вокзале в образе бродяги, оказался невменяем, без документов, только фамилию помнил – Алешковский, и все, даже имени... Нам его передали, мы пытались лечить. Вроде нормальный, тихий. А как начинал проваливаться в свои грезы, истерил бешено: надо убивать! Иначе убьют его! И всех убьют... Не буйствовал, но держали мы его отдельно.

– У вас многие больные пишут, рисуют? – спросил Павел.

– Мы даем карандаши, авторучки. Некоторые рисуют.

– Но вы знали, что Алешковский писал?

– Конечно.

– Вы читали это? – Павел тряхнул общей тетрадью.

– Заглядывал как-то. – Главврач со скепсисом улыбнулся. – Была в нем тяга к мессианству.

– Я о другом. Я читал кое-что из тетради. Если это писал Алешковский, то почему он считался больным? Абсолютная ясность изложения. Очень странно, знаете.

– Здесь у нас весь контингент странный, – непринужденно усмехнулся главврач.

– Ну что ж, спасибо, – решил закругляться Аксюшкин, видимо устав от больничного запаха. Повернувшись к Сережину, спросил: – Ты все там сделал?

– Вроде все. Опера еще суетятся, но, думаю, без толку.

– Хорошо. Тогда до свидания! Вынуждены вас покинуть. Работы много! – Аксюшкин пожал руку главврачу, и вся следственная гвардия оказалась в коридоре. Он толкнул Павла в бок: – Что скажешь?

– Начерно? Мужик больной, страдал манией преследования, разбил стекло, выпилил решетку и сиганул на твердую землю с пятого этажа. Только вот пилку оперативники никак не найдут.

– А, хрен с ней. Все просто. Сегодня же составь отчет по делу и закроем его как самоубийство, – решил Аксюшкин. – Я его включу в перечень раскрытых происшествий по горячим следам.

Они спустились по лестнице в вестибюль первого этажа, неторопливо вышли на улицу.

– Сколько у тебя до плана? – спросил его Павел.

– Три бытовухи желательны. До вечера далеко, что-нибудь случится – раскроем. Меня уже достали эти рейды.

Миша Соболев оглянулся на старинное пятиэтажное здание из красного глиняного кирпича, вслух прочитал вывеску: «Центр психического здоровья».

– Как заковыристо теперь психушки называют!

###

Из психбольницы Павел поехал в управление писать отчет об успешном расследовании самоубийства. Соболев с оперативниками под руководством Аксюткина помчались на новое дело – в одном из домов частного сектора в пьяной драке жена ударила ножом любимого супруга, слава богу, что не насмерть!

В родном кабинете за столом восседал напарник Петя Килькин и внимательно слушал песню на французском языке, изливавшуюся из динамиков радиоприемника, при этом делал какие-то пометки себе в тетрадку.

– Что? – удивился Павел.

– Вот это женщина! Ты представляешь, ее, видимо, поймали бродяги-дезертиры из разбитой армии Наполеона и давай «пороть». Пороли-пороли...

– Это я слышу, – посмеялся Павел. – Не глухой. Радио работает.

– А ты послушай. Пороли-пороли-пороли, пороли-пороли-пороли, пороли-пороли-пороли, пороли-пороли-пороли, пороли-пороли-пороли, пороли-пороли, но «пропороть» не смогли. Четырнадцать раз ее «пороли» и не смогли...

– Ты это из песни узнал про наполеоновских дезертиров? – хмыкнул Павел.

– Это я так представил. Заташили в походную палатку и давай «пороть». И не смогли «пропороть». Куда уж им войну выиграть с нами, если женщину как следует «пропороть» не смогли!

В кабинет, приоткрыв дверь, заглянула Антонова – дознаватель.

– Кого это вы пороть собрались? Что еще за планирование экзекуций?

– Никого мы не собрались, – отозвался со вздохом Килькин, закрывая свою тетрадку и пряча ее в ящик письменного стола. Песня уже кончилась. – Мы просто работаем, Ася Николаевна. Занимаемся обычной повседневной бюрократической рутинной.

Павел поборол в себе желание громко расхохотаться, отвернулся, шмыгая носом.

Начальница, не собираясь заходить, с порога строго отчитала Килькина:

– Ты активней ей занимайся, Петя, этой бюрократической работой, тебе за нее деньги платят – заработную плату...

– Да, да... Любимая начальница, я покорный раб!

– Ты обалдуй! Как ты прошел переаттестацию, до сих пор удивляюсь!

– Я применил коррупционные схемы, все поняли, что я «свой человек», и меня оставили, а всех бескорыстных выгнали поганой метлой, чтобы не мешали работать полицейской машине!

Антонова усмехнулась, посмотрела на Павла, сказала ему, имея в виду Килькина:

– Он конченный обалдуй! Да, Паша?

Павел, улыбаясь, пожал плечами – с начальством лучше не спорить.

Антонова ушла... Через минуту исчез из кабинета и Килькин, ничего не сказав Павлу. Любовнички! Их глупые попытки скрыть свои тайные отношения смешили все управление.

Павел засел за отчет. Написание шло туго, но успеть было необходимо по двум причинам: Аксюткину требовалось докладывать о рейде перед начальником областного УВД и губернатором, а Павел с завтрашнего дня отправлялся в законный, так давно ожидаемый тридцатидневный отпуск и не мог оставлять бардака в своих делах. Он любил во всем порядок. А порядок на работе – первое дело!

Он просмотрел исписанные листы, подшил в картонную обложку. Вспомнил выражение «Шить дело белыми нитками» и усмехнулся. В царской России реально шили дела, используя белые натуральные нитки, тогда скоросшивателей не было!

Осмотрел свой стол, такой родной и любимый. Он его не увидит месяц. Огромный срок! Павел знал, что затоскует уже через неделю без любимой работы. Вот тебе и отдых! Первые дни отсыпные, а что потом – бездельная маета? Чувство неудовлетворения, возникшее в палате погибшего Алешковского, не только не ушло, но, напротив, стало тискать душу непонятным томлением. Было в этом деле много белых пятен: пилку, которой проделана дыра в решетке, так и не нашли, непонятная «разумность» написанного в тетради...

Павел снова перелистал растрепанную тетрадку. Почерк забористый, быстрый. Мысли в голове этого малого текли четким выверенным текстом. А главврач смотрел на такие нюансы «болезни» абсолютно спокойно. Насколько Павел знал, сумасшедшие не отличаются умением сосредотачиваться. Хотя им, психиатрам, виднее, конечно.

В коридоре послышались голоса. Распахнулась дверь, в кабинет вошли Соболев и улыбающийся Аксюшкин.

– Павел, отчет готов?

– Забирай. Выполнил план?

Аксюшкин молча забрал скоросшиватель и ушел.

– Что он такой неразговорчивый? – удивился Павел.

– Готовится к головомойке. Ты же знаешь нашего губернатора – будет кривить губы на областного, а шеф потом Аксюшкину по ушам проедется – мало не покажется.

– За что, если план сделали?

– Найдут за что. Сейчас это модно – полицию давить надо не надо. – Соболев плюхнулся на жесткий стул желтого цвета, громко вздохнул. – Устал сегодня. Где Петька?

– Пошел куда-то.

– Что, интересно написано?

– Ты о тетради? – Павел снова перелистал замусоленные страницы. – Написано в прошлом времени о нашем будущем. Как воспоминание о грядущем.

– Непризнанный гений? – ядовито усмехнулся Соболев.

– Это меня и настораживает. Правда ли он сумасшедший?

– Был.

– Что – был?

– Был сумасшедший. Он выбросился из окна. Аксюшкин закрыл дело как самоубийство. Остынь и расслабься – впереди отпуск.

Павел раскрыл тетрадь посередине, пылливо поглядел на коллегу:

– Вот здесь пишется о борьбе Бойца с правящим у нас Злом. Он уничтожит пять Поборников Зла, желающих растащить северную страну на независимые личные уделы, и уберет Сеятеля.

– Кто такой Сеятель?

– Не очень понятно. Он сеет Зло.

– Поборники уже существуют. Он будет новых высевать?

Павел пожал плечами:

– Может, он оберегает этих Поборников, удаляет вокруг них полезные сорняки, если можно так выразиться. Окучивает их.

– Ты отнеси эту тетрадку в одно из издательств. Сейчас это модно, купят легко: мессия из будущего, самоубийство, Зло, грядущее исцеление страны.

– Ладно, Михаил, не зубоскаль. Если бы я не собирался в отпуск, я бы это дело еще подержал, копнул глубже. Не верю я в сумасшествие автора этого сочинения.

– Может, им был не Алешковский?

– Может быть. Пойдем покурим? – предложил Павел.

– А здесь? – заленился Соболев, оглядывая родной кабинет.

– Здесь Ася будет ругаться, да и обкатаем новую комнату для курения.

– Это дело! Идем!

Все знали, что Павел не курил, но он всегда с готовностью шел «курить», дышал дымом и говорил, что такой же заядлый курильщик, как и все, только жадный – крохобор, потому не покупает себе сигареты, а пассивно вдыхает чужой дым, и все это из-за жадности. Все ценили его юмор.

В новой курилке уселись на мягкий диванчик. По обе стороны стояли урны-плевательницы из блестящей стали. Напротив, на стене, висел плоский телевизор, который крутил видеоролики о вреде курения.

– Здорово придумали, – заметил Соболев, кивая на экран.

– Да, о нас грешных начальство заботится.

– О, Паша, смотри, – оживился Михаил, указывая дымящейся сигаретой на экран. Там висела фотография беззубого, гнилого рта. – У нас с тобой такие же скоро будут.

Они радостно, весело посмеялись.

– Во! – обрадовался Соболев. – Стишок в тему!

Нараспев прочел:

Шел я лесом,
Видел чудо —
Два крестьянина сидят,
Зубы черные, гнилые,
Лошадиный ...уй едят!

Опять посмеялись.

Павел засомневался:

– Слушай, Миша, по-моему, стишок неправильный.

– Почему?

– Лошадиный... Лошадь – это же женщина!

Соболев засокрушался:

– Ах ты неуч, неуч. Ты в школе уроки биологии прогуливал?

Павел пожал плечами – может, и прогуливал, дело молодое, все мы уроки и лекции иногда прогуливали, не без того...

– Поясняю, раз ты мой друг, что лошадь – это не самка, а конь – не самец. Это одно и то же. Как в песнях: «Кони, кони», «Лошади, лошади». Женщина у них – кобыла, а мужчина – жеребец, а мужчина без яиц, кастрат, – мерин.

– Вот как? – закивал Павел.

Стали подтягиваться слушатели из других отделов, выпуская губительный табачный дым и шурясь.

– А откуда ты этот стишок выгреб? – спросили Соболева. – Сам сочинил?

Соболев отмахнулся:

– Ты что! Это еще с раннего детства помню. То ли из песни, то ли из присказки.

– Может, Высоцкий? – предположил Володя Саев.

Соболев запротестовал:

– Не-е, не его стиль... – И тут же усомнился: – А может, он. Мой батя, царство ему небесное, увлекался Высоцким, когда напивался, всегда его слушал, даже танцевал...

– Как можно танцевать под Высоцкого? – удивились вокруг.

– Он мог!

– Ненавижу Высоцкого! – подал голос кто-то.

– Почему?

– У меня отец был такой же фанат-алкаш. Все поганые воспоминания детства связаны с отцом и песнями Высоцкого, которые давали фон его безобразиям!

– Нет, это не Высоцкий, – уверенно заявил Зажаев, из оперов. – Это скорее Пушкин.

– Разве мог Пушкин написать такое?

– Пушкин мог все! Он гений! – стал усердно отстаивать свою идею Зажаев. – По телевизору даже показывали передачу про стихи Пушкина с ругательствами.

– Ты видел?

– Я не видел. Но я читал «Литературную газету»...

– Го-го! Зажаев – литературовед!

– А что, очень там все интересно. Как писатели и деятели культуры грызутся и ненавидят друг друга, как плетут интриги, как разворовывают дачи и земли, как дают премии по блату... Очень интересно... Так вот, там была статья про эту телепрограмму, и там писали, что не дело выносить стихи Пушкина, предназначенные для личного пользования, на открытое обсуждение. Он писал такие стихи в личные альбомы, писал их в письмах близким друзьям...

– Что, думаешь, похоже на Пушкина?

– Стиль похож... Сравните:

Мчатся тучи,
Вьются тучи,
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо,
Ночь мутна.

– Да, похожий стиль.

– Очень похоже, тем более крестьян упоминают... То время. Крепостные голодные крестьяне...

– Не, Пушкин молодец, он написал все великое, и стихи, и прозу!

– Слушайте, стихотворение про Пушкина, в тему.

– Чье?

– Да вы его знаете!

Пушкин был веселый барин —
Заберет у девки честь
И дурехе благодарен —
Сразу стих спешит прочесть.

Забирает осторожно,
Сочинит,
Что просто ах!..
Только гению возможно
Прославлять дурех в веках!

В курилку заглянула строгая Антонова:

– Господа филологи, знатоки литературы и любители русского языка, может, прекратите поэтический диспут и вернетесь к исполнению своих непосредственных служебных обязанностей по раскрытию преступлений?

Все разбежались, как серые мыши...

Ровно в шесть вечера Павел вышел из стен родного управления полноправным отпускником. Оставалось еще завтра заскочить в бухгалтерию за отпускными, дела же он успешно передал занявшим Соболеву и Килькину.

– Забирайте, забирайте! Потом я отдуваться за вас буду, когда вы в январе свалите на Роза Хутор на горных лыжах кататься!

Павел вышел из управления с довольной улыбкой – пусть что хотят, то и творят в начале января, ему и так будет декада оплачиваемых государством каникул!

Летний день источал аромат надвигавшегося дождя – небо укрыла пелена серых туч, готовых расплакаться мириадами холодных слез. Легкий ветерок веселил душу – месяц он будет бездельничать, спать сколько влезет, смотреть телевизор хоть до утра, валяться на пляже, не заботясь ни о чем. Отпуск. Летом уйти в отпуск – мечта! И эта мечта сбылась.

Управление располагалось прямо напротив городского парка, пестревшего зонтами кафе. Павел направился к ближайшим столикам, взял себе стакан газировки и тарелку теплых пельменей, обильно политых шашлычным кетчупом. Он без аппетита поел, попивая напиток, снова листал тетрадь.

– Здравствуйте. Это снова я, – прозвучал звонкий голос над головой Павла. – Вы говорили, что мы с вами побеседуем после...

Павел поднял глаза. Медсестра Маша. Работа не хотела отпускать.

– Вы? – Павел удивился, но, невзирая на совершенно сексапильный вид медсестры без медицинского халата (простенькое легкое платье ей очень шло), ощутил досаду. – Присаживайтесь. – Он указал на белый пластиковый стул рядом с собой. – Хотите чего-нибудь? Я закажу. Не ожидал вас здесь встретить.

– Я отработала, завтра у меня выходной. Домой идти особого желания нет. Прогуливалась по парку, увидела вас.

– Может, вы меня специально поджидали?

– Может быть, – рассмеялась Маша, но тут же помрачнела. Ее красивое лицо теперь выражало серьезную озабоченность, а выразительные глаза, на которые Павел сразу обратил внимание, наполнились мерцающим внутренним светом. От такого свечения у любого мужчины начинало сосать под ложечкой, и было понятно почему.

Павел напряженно рассмеялся:

– Интересная тетрадь. Вы читали?

– Читала. Много говорила с Алешковским, слушала его рассказы. Он не походил на других наших больных, с виду был абсолютно нормальным. Но наш главврач держал его взаперти. Бывали, конечно, моменты, когда Алешковский начинал панически бояться.

– Скажите, Маша, все здесь написанное – это дело рук Алешковского?

– Да, он при мне половину тетради исписал за два месяца. Он сказал, что силы Зла как никогда близки к победе над добром, потому Высшая Сила (он не говорил – Бог, он говорил – Высшая Сила) дала ему дар увидеть будущее и, уже оглядываясь оттуда, написать программу борьбы. Он сказал, что осознал свою роль и Боец (вы читали о Бойце?) тоже однажды осознает. Тогда придет спасение.

Павел задумался. Очень похоже на бред. С другой стороны, во всем этом было очень много «но».

– И вы верили во все это? – кривя губы в усмешке, спросил он.

Маша подперла подбородок ладонью. В ее глазах снова возникло мерцание.

– Я и сейчас верю. А вы не поверили?

– Хм-м. Хма-гха-а. Я был бы сумасшедшим, если бы верил всему написанному. Очень все смахивает на фантастическую повесть. Нет? А мне кажется – да. Вот здесь у него, – Павел указал пальцем в текст, – Поборники Зла все отмечены специальным знаком – татуировкой.

Кружок. Внутри буква «Р» наискось. Для чего им этот знак? Получается, они взаимосвязаны? Или Алешковский это придумал, чтобы его Бойцу было легче выявить Поборников?

– Все просто – Зло всегда стремится к объединению своих сил, и знак Зла позволяет отличить своих от чужих. А добро – оно эфемерно. Оно в каждом человеке. В ком-то добра больше, в ком-то – меньше.

– Но Поборники Зла не знают, что они Поборники Зла?

– Я думаю, что они не знают, но смутно догадываются. Ими правят личные идеи и амбиции, несущие человечеству, и в первую очередь нашей стране, неисчислимы бедствия.

– В тетради «северная страна» – это Россия? – наигранно удивился Павел.

Маша обидчиво рассмеялась:

– Почему вы не воспринимаете меня всерьез, господин полицейский?

– Отчего вы так решили? Вы очень интересный человек – говорите убедительно. И вы красивы. – У Павла возникло неодолимое желание поцеловать Машу – начался процесс оформления отпускного настроения: амурчики, шабаши на уме, оргии.

– Спасибо. – Маша вдруг сникла. – Никак не могу отойти от шока. Утром меня просто трясло всю. И как он умудрился перепилить решетку? Выбросился. Он был очень напуган. Страшно все. А?

– Я привык к смертям. В день иной раз по несколько трупов разбирать приходится.

– Неужели у нас так много убивают? – ужаснулась Маша.

Павел поспешил ее успокоить:

– Я же сказал: иной раз. К тому же это делают не безжалостные, вооруженные с ног до головы бандиты-отморозки, а обычные люди, вот такие, какие вокруг нас. Убивают друг друга кухонными ножами в пьяных ссорах, душат подушками в порыве ревности, травят, морят голодом престарелых родителей, чтобы поскорее завладеть жилплощадью...

– Это еще страшнее. – Маша искренне вздохнула. – Значит, гибель Алешковского не будет расследоваться?

– Он себя убил сам.

– Сам. Вы отдадите мне тетрадь?

– Я хочу ее дочитать.

– Ладно. Тогда я пойду. Мне пора.

– Маша, вы замужем? – неожиданно для себя спросил Павел. Он даже удивился, что спросил это.

Маша опять улыбнулась:

– Пока нет. А что?

– Давайте с вами завтра увидимся? У вас же выходной.

– Хорошо.

– Завтра в двенадцать вас устроит? Здесь же?

– Устроит.

Павел посмотрел, как она быстро, упруго шагая, пошла по аллее к остановке. Ловко он ее подцепил на крючок. Может, удастся даже затащить в постель. Она девушка видная, стройные ноги, упругая попка.

Вздыхнув, он тоже поднялся и пошел прочь из парка. По дороге к дому (его холостяцкая квартира располагалась в пятиэтажке сразу за парком) предстояло зайти в супермаркет, купить на вечер пакет макарон и банку тушенки – скромный ужин отпускника. Павлу было тридцать пять лет, и он не раз уже подумывал о необходимости заканчивать с холостяцкой жизнью, но пока, к сожалению (или слава богу!), не получалось.

###

Макарены кипели в кастрюле, тушенка вперемешку с рубленным луком, источая ароматы, шипела на сковороде. Сегодня вечером по телевизору собирались гнать классный фильм, и Павел хотел записать его на флешку для личной видеотеки. Включив компьютер на пробную запись, Павел пошел ужинать. Как раз шли «Новости», и диктор, отчаянно картавя и ошибаясь, читал информацию о выборах мэра областного центра в малолюдной области на границе с Украиной. Там было два явных кандидата на победу, и у обоих шансы шли пятьдесят на пятьдесят.

Павел мало интересовался политикой, иногда только наполнялся обидой, когда страну в очередной раз пытались охаять заокеанские «друзья» или бывшие «братья» по СНГ, потому особо не вслушивался, что там в мире творилось. Ел, запивая варево крепким чаем, и представлял, как «отбарабанит» симпатичную медсестру. Была бы она слабой на передок, уже бы завтра с успехом «порол» ее на своем родном скрипучем диване – «станке», как его называл Килькин – «мастер-станочник».

Покончив с ужином, Павел вернулся в зал, прокрутил обратно запись на компьютере, проверяя качество. На экране монитора возникла картинка предвыборных баталий. Два претендента. Вот они, красавцы. Один сухопарый, с поджатым ртом, руки, как у Гитлера, скрещены под животом, сам он спесивый и даже немного брезгующий шумным народом на площади. Другой – лысый и гладкий, словно шар для боулинга, и очень такой веселый, все время щеки трещат от смеха. Толстяк обернулся к своим холуям за спиной, что-то проговорил, опять засмеялся и стал махать народу рукой. Короткий рукав рубахи задрался. На предплечье весельчака Павел заметил черную мушку.

Что это? Наколка? Шалости юности?

Из профессионального любопытства (как-никак привередливый оперативник, во все щели нос свой всунуть необходимо!) Павел нажал на стоп-кадр. Хорошо, что в компьютере имелась программа обработки видеоизображений. Несколько нажатий на клавиши – картинка сильно увеличилась. Снова. Еще. Во весь экран высветилась наколка – синий круг, а внутри буква «Р» наискось...

Павел остоленел. Этого не могло быть! Что это?

Он судорожно сглотнул слюну, потер лоб. Знак Зла, знак Поборников из тетради сумасшедшего Алешковского!

Он был сбит с толку! «Так не бывает», – билась в мозгу настойчивая мысль.

Он вывел через принтер картинку на бумагу, долго рассматривал фотографию. Не бывает, а вот есть – Знак, который описан в тетради.

Павел раскрыл страницу, где этот знак был выписан. Один к одному.

Что же? Ясно одно: не может быть таких совпадений.

Остаток вечера и ночь, забыв про фильм, Павел читал записи Алешковского. Поборники Зла раскачают государство и разделят уже разделенное, если их не остановить. Их пять и Сеятель. Шесть. Число Зла. Конечно, шесть – мистическая цифра. Но Боец спасет страну, уничтожив Поборников и Сеятеля, избавив мир от хаоса. Кто он – этот Боец? И когда он придет?..

На другой день Павел пришел в кафе мучимый противоречивыми чувствами. Была только половина двенадцатого, но парк жил своей повседневной жизнью. Павел очень хотел поскорее увидеть Машу, чтобы рассказать ей о своем открытии. Нервничая, он расположился за столиком, заказал себе порцию шашлыка на живом огне, бутылку колы и два поллитровых пластиковых стакана с трубочками, желая угостить напитком и Машу, прежде чем она решит,

чем он будет ее кормить. На удивление, шашлык принесли быстро, видимо, был готовый и его только подогрели на угольях, а Маша не шла. Нервничая, Павел съел всю порцию... Где же она?

Маша, совсем красивая в пестром легком платье, через которое явственно проступали ее спелые грудки, увидела его с остановки, помахала рукой. Павел не смог сдержать радостной улыбки – вот это девушка!

– Привет! – Она уселась на стульчик. – Ну-у-у?..

Павел налил ей в пластиковый стакан колы из бутылки, впихнул туда полосатую трубочку, придвинул вместе с фотографией, распечатанной на принтере, где крупным планом синела татуировка – знак Поборника Зла.

Маша сразу вцепилась глазами в изображение и побледнела:

– Где ты это взял?

– Вчера в «Новостях» рассказывали о выборах мэра тут, неподалеку. Слышала, наверное? Это я увидел на руке одного из кандидатов.

Маша «стопорила».

– Ага... Значит... все правда... Боже мой! – Ее глаза наполнились страхом. Нет – ужасом. Она перешла на шепот. – Я верила, но не думала все же... А это правда... Что же теперь?

Павел усмехнулся. Ему понравился ее испуг. Какая она наивная! Таких очаровательных дурочек и охмуряют коварные донжуаны.

– Не беспокойтесь, сударыня. Ваш Алешковский написал же – придет Боец и все уладит. Чего же тогда бояться?

– Шутите! – вздернулась Маша в негодовании и снова внимательно взгляделась в фото. – Вы шутите, а мне... – Она замерла и произнесла спокойно, но медленно: – А мне по-настоящему боязно.

Павел поспешил успокоить наивное дитя:

– Вам надо покушать! Ничто так не успокаивает, как медленное пищеварение после приятного приема вкусной пищи.

– Да? – Маша улыбнулась.

– Что мы с вами все на «вы»? – плел кружева Павел. – Маша, я лично думаю, что это просто совпадение – эта татуировка – этот знак...

Он не думал так. Его терзали сомнения. Сомнения были размером с громадных белых акул, рвущих плоть большими кровавыми кусками...

– Мало ли что у того человека может обозначать буква «Р» в круге, – закончил он неуверенно.

– Павел, я не хочу есть, как бы вы меня ни уговаривали, но согласна на шоколад, только черный и горький, – сделала заявление Маша.

Он сделал знак официанту. Черный и горький. Девочка ценила и знала толк в шоколаде.

Павел внимательно смотрел, как Маша надкусывала шоколадную плитку, шурша фольгой. Она не совсем наивна. Это ведь так сексуально – кусать целую плитку на глазах у мужчины. Всем ведь известно, шоколад придает страсть в любви. Чтобы не распалить поклонников, девушки всегда ломают плитку шоколада на дольки и тихо отправляют их в рот. Павел вдруг представил, какое наслаждение он может получить от этой девушки, и ему даже стало дурно от прилива крови.

В голове дернулась авантюрная мысль. Он в отпуске, свободен как ветер, денег благодаря новой политике внутри государства на увеличение зарплат военным и полицейским хватало, почему бы не поискать приключений? Так всегда было и будет: сначала человек пытается удовлетворить свои насущные потребности, а уже потом, когда появляются излишки, и эти излишки стабильны, он начинает «кабанеть».

«И мне пора, – подумал Павел. – А то жил и не жил... И вспомнить нечего! А это будет замечательное легнее приключение!»

– А хотите, Маша, мы выясним, что за птица этот обладатель знака Зла? – спросил Павел с подкупающей улыбкой. Пожал плечами, стараясь казаться убедительным. – Поедем в ту область – машину я попрошу у своего напарника Миши Соболева или вон у Петьки Килькина, тот тоже на колесах – взял какую-то индийскую «улитку» в кредит. Он покривляется, но даст... Я у них у обоих в страховку вписан, могу брать авто без проблем.

Маша была растерянна и колебалась.

Павел усилил нажим, включая аргументы близости поездки просительным тоном:

– Ехать совсем ничего, тут недалеко – шесть часов, и мы там. Вы и я. И все узнаем.

Маша улыбнулась, вытягивая сквозь трубочку колу из пластикового стакана. Выпустив трубку из губ, произнесла, продолжая улыбаться:

– Мы договорились говорить друг другу «ты».

– Ты и я. Я и ты.

– А моя работа?

Павел видел, что Маша согласна была ехать с ним даже очень далеко. Спеклась красивая в своей психушке. Поди, главврач приставал постоянно. Но он этого упыря убедит, что надо впредь быть предупредительнее с подчиненными работницами, особенно молоденькими и беззащитными. Молодые девушки должны сначала получать наслаждение от близости с молодыми, мускулистыми, прекрасными ловеласами, а уже потом с разбитыми сердцами терзать нервы и кошельки пожилых павианов. Это правила эволюции. И если Павел ее уговорит, неделя жаркого секса в салоне машины и на природе ему обеспечена! А что еще нужно холостому отпускинику? Очень много чего. Но это в первую очередь!

Павел вцепился в жертву плотно:

– Возьми отпуск без содержания. Можно причину уважительную придумать. А денег у меня много. Погудим. Лето ведь! А оттуда своим ходом, вокруг Украины, к морю покатым. Деньги будем швырять направо и налево!

Маша рассмеялась:

– Шутишь, да?

– Насчет поездки говорю серьезно. Едем?

– Нет.

– Решайся! Тут близко!

– Едем... Но я боюсь.

– Чего? Меня боишься?

Маша ступевалась:

– Не-е-ет... А вдруг все правда?

Павел помрачнел. В его голове тоже все настойчивее звучала мысль, что написанное Алешковским являлось чудовищной правдой, предостережением, доставленным из будущего. Объяснить это, опираясь на общепризнанные представления о законах физики и строении нашего мира, было невозможно. Языческая вера в потустороннюю силу брала верх в атеистической душе Павла. Он начинал верить в то, во что верить было невозможно. Написанное в тетради являлось правдой (неужели это так?!), и Павел чувствовал, как холодеет все внутри. Но там описана Эра благоденствия. Значит, все завершится хорошо. Зачем тогда предостережение? Неужели существовал вариант рокового развития событий?..

Расставшись с Машей, Павел поспешил в управление за отпускными. Он уже видел себя обнаженным, сжимающим в объятиях покорную Машу, уже гладил ее стройные ноги, послушно раздвигаемые в стороны...

– В облаках витаешь? – Из бухгалтерии выходил Миша Соболев.

Павел стряхнул наваждение, обрадовался – все складывалось как нельзя лучше! Соболева искать не придется, сам пришел, как зверь на ловца.

– Ты что тут? – спросил Павел.

– Справку взял о зарплате.

– Очередной кредит? Сто восемьдесят седьмой? Мишка, когда ты остановишься?

Оба расхохотались. Павел легко, Миша с долей грусти. Миша заметил:

– Куда без них, проклятых? Вообще в крепостного превратился...

– В отпуск, Михаил! В отпуск надо валить, как я! Нужен моральный отдых!

– Ну, ты вернешься – я следующий!

Павел с усмешкой удержал друга:

– Ты мне нужен. Подожди. Я сейчас, бумаги на баблосы подпишу, и поговорим.

Из бухгалтерии в сопровождении Соболева Павел направился к банкоматам, которые располагались в специально обустроенном помещении.

– Миха, выручай!

Соболев вмиг смекнул, скривился, как от зубной боли:

– Паша, только не машину!

– Ее родимую. Одолжи, братишка!

– Ха, эту тачку мне подарили или тебе? Или ты к ней неравнодушен? Так купи! Мне родители девяносто процентов денег добавили, когда я ее покупал, сказали, мол, подарок... Паша, ты на ней ездешь больше меня!

– Миша, не заводись! Тебе машину подарили, тебе! Если бы мне – ты бы просил, а не я! Здесь недалеко. Смотаюсь на десять дней и верну в целости. Я же аккуратный водитель!

– Убью тебя как-нибудь. – Соболев уже согласился.

Павел любовно пропел:

– Обязательно, друг мой! Даже перед убийством можешь проделать какие-нибудь жуткие, бесчеловечные пытки...

– Так и будет!

– Спасибо за правду!

– Что так долго, десять дней? – Разговор перешел в деловой режим.

– Сначала местный краеведческий музей, потом много моря. Ты усекаешь, про что я?..

– Сережин, ты противный тип. – Соболев покорно извлек из кармана брелок с ключом от своей «Лады-Приоры» и впихнул в ладонь Павла.

Павел улыбнулся, сжав ключи:

– Противный – не мужское слово!

– Убью! – Миша был спокоен как никогда.

Банкомат что-то долго мудрил, читая карту, прежде чем отдать наличные.

– С ума сошел? Зачем все снял со счета? – поразился Соболев, видя, как Павел забирает толстую пачку тысячных.

– В городе переброшу на другую карту другого банка. У того банка везде филиалы и куча банкоматов. Он крутой. А этот платит мзду нашему управлению, потому и переводят зарплату только на него...

– Ш-ш-ш...

– Да, да... Пусть все слышат! Он обеспечивает управление постоянной «спонсорской» помощью, потому нам на его карты сбрасывают зарплату, а он комиссии берет бешеные, и вообще... все хитрожопые и хитромудрые!

– Я все понял. – Соболев успокаивающе похлопал рукой по плечу Сережина. – Не кипятись. Наши все так делают – забирают наличные и вносят на карты других банков.

– Зачем тогда спрашивал?

– Хотел позлить... Перед отпуском...

– Спасибо, друг!

– Всегда рад помочь... Машину дал на десять дней, имею право чуть-чуть поглумиться!

– Твое право!

- Мое право, – согласился Соболев.
- Пожелаешь мне удачи? – спросил Павел.
- Не зайдешь в родной кабинет, на пару часов общения с остроумным Килькиным?
- Пошли они куда подальше, и родной кабинет, и остроумный Килькин! – откровенно признался Павел со смехом.
- Тогда удачи! – указал Соболев на выход из управления.
- А эти объятия, какие показывают в американских фильмах, мол, мы одна семья, напарники и так далее, они будут?
- Рука Соболева упорно показывала на выход.
- Когда вернешься, если выживешь, конечно, тогда и обнимемся!
- Ну и пожелания! – покачал головой Павел и прокричал: – Соболев, ты всегда был грубияном!
- Двигай, двигай, отпускник!..

###

Усевшись в соболевскую «приору», Павел вздохнул глубоко – итак, он затеял забавную отпускную авантюру. Если повезет (должно повезти на все сто!), будет секс и маленькое неофициальное расследование, затеянное ради удовлетворения личного любопытства.

От управления Павел отогнал машину Соболева на автостоянку рядом со своим домом. Поднявшись к себе, уже в прихожей, он вздрогнул от неожиданности – в кармане летних тонких брюк завибрировал сотовый.

Он посмотрел, кто звонил. Маша!

- Да, Маша. – Павел ухмыльнулся (крепко на крючок села рыбка!). – Как все прошло?
- Нормально. Отпуск дали, но главврач надулся. Говорит – подвела.

Павел снова представил, как овладевает этой дурочкой, как сжимает ее тугие грудки. Возникла эрекция. Толкнул вниз кулаком упругий член – тот, как настырный баран, толкнулся вверх, натянул на брюках неприличный холм. Ничего, брат, теперь у тебя будет долгая «трудова» неделя.

Павел прошел в зал, опустился в кресло перед компьютером, находившимся в спящем режиме. Стукнул по клавише – на экране монитора мгновенно высветился стоп-кадр с изображением обладателя загадочной татуировки.

– Не обращай внимания. Забудь!

– Мне там работать... У тебя как?

– Тоже все в порядке. Машину взял, отпускные получил. Сажу дома, изучаю на мониторе эмблему Зла... Может, приедешь сегодня ко мне?... Посидим, поговорим...

В трубке повисло неловкое молчание. Павел понял, что торопится. Для достижения успеха требовалось сбавить обороты, действовать плавно...

Голос Маши спотыкался:

– Н-не могу, – отозвалась она в крайнем смущении – это было понятно по интонации.

Павел даже представил ее лицо, и, скорее всего, она покраснела от этого его спонтанного «дружеского» предложения.

– У меня дома дела, – пояснила Маша и закончила скороговоркой: – И собраться нужно!

– Тогда завтра в десять утра выходи с вещами из подъезда. Я подъеду и заберу тебя. Ты живешь по тому адресу, который указала, когда давала показания в больнице?

– Да, там живу. Ты понял, где это?

– Конечно.

Маша улыбнулась.

– С вещами! Так сказал, словно в тюрьму меня везти собрался!

Павел тоже улыбнулся, сказал в оправдание:

– Не цепляйся к словам! Это у меня профессиональное!

Маша засмеялась. Павлу понравилось, как она заразительно смеется... Все-таки классно, что так получилось – прямо перед отпуском расшибся насмерть тронутый Алешковский, смазливая Маша-дурочка оказалась его фанаткой, доверчивая, еще «непуганая». Видимо, суждено Павлу хорошенько погудеть этим летом!

Нажав отбой и бросив сотовый на раздвинутый, с неприбранной постелью, диван, Павел пошел в ванную. Раздевшись, полез под душ. Прохладные струи воды смывали пот и усталость от уличной духоты. И так, он и верил, и не верил в прочитанное у Алешковского. Нет, даже увидев загадочный знак на предплечье рвущегося к власти неизвестного ему человека, он не верил. Это какое-то совпадение, которое разрешится забавно и смешно. Он не был бы нормальным человеком, если бы сразу поверил во все, еще вчера ему совершенно неизвестное, написанное сумасшедшим, страдавшим манией преследования. Он и затеял-то вояж в соседнюю область именно из желания удостовериться в совершенной невозможности реального существования описанного Алешковским. А Машу он мог бы охмурить и здесь, никуда не выезжая. Вот она, истинная цель поездки – не секс, она куда важнее – уничтожить в себе зерно сомнения, которое дало росток.

Павел чуть вытерся махровым пляжным полотенцем, чтобы свежесть от душа ощущалась как можно дольше, вышел в зал, снова оживил спящий компьютер – этот человек на экране, неужели он... Павел перебрал несколько отпечатанных через принтер фотоизображений отметины Зла – «Р» наискось в круге, – отбросив полотенце, еще раз сверил с рисунком и словесным описанием в тетради. Один к одному. Именно этот знак зародил сомнение в его душе.

Почему так случилось? Он мог не ставить на запись компьютер и не увидеть выпуска «Новостей». Но сначала ему досталась тетрадь, а потом он получил подтверждение... Неужели все наши жизни зависят от прописанного кем-то предназначения, и он оказался «избранным», и получил «информацию» не случайно, и ему требуется принять решение, ОСОЗНАТЬ, кто он?..

Павел потрянул головой. Так, стоп! Так можно додуматься до бог весть чего!

В задумчивости он раскрыл тетрадь Алешковского на странице, где было написано про приход Бойца – человека, сумевшего одолеть Поборников Зла и самого Сеятеля... Как все похоже с ныне происходящим, как это близко ему: «В те дни, когда Мировое Зло готовило последний удар, дабы установить свой звериный порядок на бессильной и почти покорной планете, явился Боец... Он осознал, что явился...»

###

Уже с утра было жарко. Павел, подъезжая к серой панельной пятиэтажке, в которой жила Маша, заметил ее хрупкую фигурку в легком платьице с дорожной сумкой в руках и громко посигналил. Маша заулыбалась во весь рот. Павел усмехнулся – ну нельзя же быть до такой степени доверчивой!

Притормозив перед ней, Павел толкнул дверцу:

– Садитесь, сударыня.

– Спасибо. – Маша уселась в переднее кресло, поставила сумку себе на колени, потом хихикнула и убрала ее на заднее сиденье.

– Что смеешься?

– Не верится. Собралась ехать с незнакомым мужчиной бог знает куда! А я ведь трусиха и к авантюрам интереса не испытываю.

– Я бы не сказал.

«Приора» понеслась на выезд из микрорайона и мягко вошла в поток уличного движения.

- С кем живешь?
- В смысле? – Маша напряглась.
- Родители, родственники или... одна?
- А... хм-х. Мама, дед.
- Папашка не с вами?
- Росла без твердой мужской руки. Мы приедем туда через шесть часов?
- Постараемся быстрее. Есть хочешь?
- Нет.

Павел с неудовольствием ощутил, что ему не о чем говорить с Машей. В голове витали только образы, как он ею овладевает, как кричит от радости и дергается в конвульсиях оргазма, извергаясь в горячее покорное лоно... Он перевел взгляд на Машу.

Та с готовностью уставилась на него:

- Да?
- Нет, ничего.

Через три часа они остановились на обочине, у ряда кафешек, где заправляли азербайджанцы. Все кафе предлагали шашлыки, манты, пельмени, беляши и носили сочные горские названия: «Кавказ», «Кура», «Арпачай», «Сумгаит». Азербайджанцы, небритые и деловые, тут же уговорили Павла с Машей закусить парой аракских шашлыков с овощной нарезкой и колой. Тут же в мангал загрузили древесный уголь, пошел дымок, и повеяло запекающимся свежим мясом.

Пока шашлыки жарились, Павел и Маша ожидали за столиком под навесом.

- Мы уже въехали в их область? – спросила Маша, с любопытством осматриваясь.

Павел поражался ее легкомыслию – ведь поперлась с ним, действительно совсем ей незнакомым, хотя и полицейским, верит ему на слово. Вот как такую охмурять? Не начнешь же класть свои похотливые руки на ее колени и говорить пошлости?

– Въехали. До города еще три часа пути. Не чувствуется, что в областном центре идет жаркая предвыборная борьба. Правда? Странно даже.

Азербайджанец принес на тарелках шампуры с готовым шашлыком, посыпанным зеленью. Лепешки и кислый сыр подавались бесплатно.

- Пожалуйста.
- Послушай, у вас ведь выборы мэра, да? – спросил его Павел.
- Азербайджанец кивнул, улыбаясь.
- А где предвыборные плакаты? Где компроматы на кандидатов?
- Приедешь в город – все будет.
- А кто у вас больше шансов имеет? Козовский или Южин?
- Все хорошие, слушай! Кушайте, пожалуйста.

Азербайджанец ушел – политикой он не интересовался, а зря. Хоть здесь была территория области, а не города, но от мэра областного центра могло многое зависеть. Придет к власти какой-нибудь ставленник противных сил, начнутся интриги, а там, глядишь, и закрытие кавказского островка на междугородней трассе.

Павел усмехнулся Маше, пожал плечами:

- Информацию получить не удалось.
- Вкусно поев, они помчались дальше.

Чем ближе был областной центр, тем явственнее проступали следы предвыборной гонки – с огромных плакатов улыбались хитрые личины кандидатов, а хлесткие лозунги давили на психику: «Сделай свой выбор! Помоги себе, помоги России! Это твой шанс!» и т. д., и т. п.

Маша улыбалась, смотрела на природные красоты, на пролетающую мимо повседневную жизнь селян, дорожных рабочих, автоинспекторов с автоматами.

- Не устала?

- Нет. Я люблю ездить в удобных машинах.
- Часто ездешь?
- Нет. Вот с тобой еду.
- Хм... Чудная ты, Машка. Машка-промокашка.
- А сам Пашка – смятая бумажка!

Они засмеялись. Эти шуточные слова как-то враз сблизили их. Мысли о предстоящей ночи наполнили удовлетворением.

Он уверенно въехал в город и, ориентируясь среди незнакомых улиц, повел «приору» к центру. Здесь предвыборная агитация достигла апогея. Фотографий кандидатов было миллион.

И вдруг он неожиданно испугался: а правильно ли он сделал, что приехал сюда и затевает ненужную суету с глупым расследованием? Так ли это нужно ему?

Маша сразу поняла его состояние:

- Засомневался?
- Немного, – честно признался Павел. И тут же улыбнулся. – Но мы уже приехали. Наверное, поздно уже отступать... Как думаешь?
- Не знаю... Куда теперь направимся?
- В гостиницу.
- А где здесь гостиница?
- Спросим. Обычно гостиницы строят в центре и у вокзалов.
- Так ты сомневаешься?
- В чем? Или в ком?.. В себе?

Павел посмотрел на Машу, явственно представив его, Поборника Зла, всесильного здесь, и он перед ним – никто. Да еще приволок с собой глупую девчонку. Соприкосновение со Злом никогда не проходит даром! Павел забыл про это, затеял игру, не зная правил, игру, в которой легко оказаться проигравшим!

Он остановил машину у тротуара.

– Я хочу удостовериться, что знак Зла – это выдумка, плод больного воображения Алешковского.

– А вдруг не выдумка? – спросила Маша. – Что тогда?

– Тогда... – Павел помолчал. Он не знал, что будет тогда. – Там посмотрим.

Он нажал на педаль газа, и «приора» плавно тронулась с места.

Вскоре показались площадь и здание гостиницы.

Оставив машину на платной стоянке, они миновали площадь и вошли в прохладный вестибюль гостиницы. Здесь все было отделано мрамором в стиле позднего застоя – здание возводилось долгих двенадцать лет еще в эру царствования Леонида Ильича Брежнева и с той поры эксплуатировалось в половину проектной нагрузки. Но теперь, когда предвыборная гонка достигла апогея, все номера оказались забиты постояльцами из столицы. Тут были представители партий, артисты, имиджмейкеры и прочая шушера, двигавшая своих кандидатов к такому нужному для московских коллег креслу мэра главного города близкой к столице области.

На регистратуре пышная тетенька вяло пролиставла паспорта и кисло сообщила, что имеются только два одноместных номера на разных этажах.

Павел про себя чертыхнулся – ночной секс накрылся. Он взглянул на Машу – та была довольна и о сексе явно не помышляла. Павел успокоился – ничего, днем времени предостаточно, он будет иметь ее в самые знойные часы, когда лучше всего прятаться от жары в прохладных зашторенных комнатах.

– Берем, – решил он, и они получили бланки для заполнения.

Маша принялась вписывать свои данные, а он осмотрелся – третьесортная гостиница в третьесортном городе. Неужели у них и рестораны третьесортные?

Над стойкой регистрации постояльцев тоже кипели предвыборные страсти – висели красочные плакаты претендентов в мэры. Павел с удивлением обнаружил, что кандидатов не двое, как сообщалось в «Новостях», а трое. Третий кандидат был дородным дядей в костюме, но какой-то испуганный чем-то, похожий на директора средней школы.

– Почему три кандидата? – спросил Павел у регистраторши.

Сорокалетняя толстуха с пышной прической улыбнулась полными накрашенными губами, игриво зыркнула на Павла и застучала толстыми пальцами с ухоженными ногтями по стойке.

– Как же, все правильно. – Голос ее призывно урчал. Сразу стало понятно, что Павел ей приглянулся.

– Я думал, двое кандидатов.

– Молодой человек, где и когда на выборах бывает лишь два кандидата на теплое место? Кандидатов тьма, человек двадцать. А вот явных претендентов на победу двое – Козовский и Южин. А это – наш директор, Сироткин Юрий Адамович. Решил рискнуть, да без толку это, без московской поддержки и бешеных денег. И Козовского, и Южина центральные партии поддерживают, артистов закупили, агитацию, а у нашего шиш в кармане, образно говоря, кое-где повесили плакатики и все. А он такой честный, что даже в нашей гостинице разрешил плакаты этих повесить... Сойдет с дистанции...

– Он правда честный? – Ухмыляясь, Павел нагнулся к регистраторше прямо к самому лицу. Ее запах вдруг понравился. Пахнет «ждушей» женщиной, которая ждет, чтобы ее обработали.

– Может быть, – с грудным придыханием ответила регистраторша.

– Я думал, что кандидатов только двое.

– Явных фаворитов двое... Мы же говорили...

– Я вас увидел – все забыл...

Регистраторша расцвела.

– Как вас зовут, прекрасная?

– Римма Павловна. Римма. Хмр-хм. – Регистраторша хрюкнула в нос и поправила пышную прическу. – Вы надолго к нам?

– Как получится.

Маша протянула регистраторше заполненные бланки, получила ключи, и они отправились заселяться.

Номер Маши оказался этажом ниже, под самым номером Павла.

В номерах имелись кондиционеры, но они были не в рабочем состоянии, и духота в комнатах дополнялась жарой – никто из персонала гостиницы не додумался задернуть шторы, спертый воздух насыщали неприятные запахи чужого пота.

– Если что, стучи ночью по трубе, – хмыкнул Павел, когда они вновь оказались вместе в номере Маши.

Она уже приняла душ и расхаживала по номеру в легком халатике. Павел с неудовольствием отметил, что сейчас, в самую жару, не желает ее. Римма Павловна куда аппетитнее – огромные груди, чувственный рот. Впрочем, и Римма Павловна желания у него не вызывала.

– Что теперь? – спросила Маша, высушивая феном влажные волосы. – Каков план действий?

– Надо понаблюдать за кандидатами, – отозвался Павел. У него уже созрел план первых шагов, но для этого требовалось созвониться с Соболевым.

– К ним близко не подойти, – заметила Маша.

– Это точно. Но мы попытаемся. Нас ведь интересует только обладатель татуировки с буквой «Р». Надо созвониться с Мишей Соболевым – у него здесь живет брат, бывший опер, ныне владелец охранной фирмы. Узнаем его адрес, поговорим. Думаю, нам помогут.

– Сейчас будешь звонить?
– Я не собираюсь пользоваться сотовой связью.
– Ты не взял с собой сотовый? Без телефона как без рук!
– Мы же проводим секретное расследование, а по сотовому нас могут вычислить за пятнадцать минут. Ты свой взяла?

– Обязательно.
– Прошу тебя, не звони никому с него.
– Мать и дед будут волноваться.
– Ладно, но только им! А Мише мы позвоним с переговорного пункта.

Маша рассмеялась:

– К чему такие сложности, Павел?
– Не знаю. Сам не могу понять, – откровенно признался Павел. – Но сделаем как я сказал.
– Ты все это затеял, тебе и карты в руки.
– Одевайся. Приступим к делам.

Из гостиницы они отправились на переговорный пункт, располагавшийся за углом, тут же Павел присмотрел и ресторан, где собирался вечером кутнуть и подпоить Машу, чтобы легче было ее соблазнить.

Купив карточку, Павел стал названивать в родное управление по коду. С третьей попытки ему удалось выйти на дежурного, а тот соединил его с кабинетом Соболева.

– А, отпускник! Как отдыхаешь? – Голос Миши был бодр и совсем не выдавал натуги от оперативно-следственных мероприятий. – Уже есть успехи на сексуальной ниве?

– Очнись! Мы только в город приехали! Но предпосылки для успехов имеются, и весомые. Миха, я тебе из-за твоего брата звоню, он ведь у тебя здесь охранную фирму держит. Созвонись с ним, скажи, что я подъеду, хочу, чтобы он организовал мне легонькое прослушивание одного типа на денек.

– Ты же отдыхаешь! – поразился Соболев.

– Это у меня такой отдых! – пошутил Павел.

– Ах ты, хореk! Там, наверное, шабашку подцепил, работаешь под частного детектива. Кого надо подслушивать? Богатая жена коварно выслеживает неверного молодого супруга-альфонса?

– Вроде того.

– Я брату на сотовый позвоню, а как он там решит... Ты откуда звонишь?

– С переговорного пункта. Тут гостиница в центре города и переговорный пункт.

– Сейчас ему позвоню, и он подъедет, сиди там... Это все? Ну бывай.

Павел повесил трубку на рычаг телефонного аппарата, оглянулся на безмятежную Машу:

– Все хорошо. Сейчас за нами подъедут... В ресторан сходим вечером?

– Сходим.

Павел удовлетворенно крикнул. Напоит он ее, выведет на улицу и вот тут, в палисадничке, рачком проработает пару раз, а может, и три раза, а потом проводит до номера. Все просто и культурно, все довольны и никаких претензий.

– Этот брат, он надежный человек? – спросила Маша.

– Игорек? Надежный. Он мой ровесник. Раньше в нашем управлении работал, а потом женился на здешней, переехал сюда. В полицию уже не пошел – тогда нашей зарплаты на содержание семьи никак не хватало, это сейчас, дай бог всех благ президенту, оплата стала похожей на человеческую...

– Да, полицейских и армию сейчас финансово поднимают.

– Разве это плохо?.. Так вот, стал Игорек перебиваться телохранителем у одного знахаря здешнего, лицензию получил, пистолет купил – все согласно законодательству РФ. Хм. А

как это дело изнутри освоил, тогда открыл свою фирму. Через знахаря стговорился для своей фирмы «крышу» обеспечить, полгода бесплатно пахал, деньги отдавал за поддержку...

– У охранной фирмы «крыша»? – изумилась Маша.

– А ты думала! – хмыкнул Павел. – Здесь без завязок и плюнуть не сможешь – разотрут в порошок... Выплатил он положенный взнос кому следует...

– Бандитам?! – опять изумилась Маша. – Или вашим? Оборотням?

– Тебе это надо знать? Правильно – не надо! И мне не надо! Кому следует, тому и выпла- тил. Ему сразу выделили несколько супермаркетов и фирм для охраны. По существу, он зани- мается отмыванием денег для своих покровителей. У него свои ребята в камуфляжах, травма- тическое оружие, средства связи и наблюдения. Все тип-топ. Гарантированное процветание, пока верен «крыше».

– Бандитам? – настойчиво переспросила Маша.

Павел вздохнул. Он уже пожалел, что пустился в пространные объяснения.

– Зачем бандитам? Бандиты только в книжках и фильмах такие крутые, распоряжаются всем и всеми направо и налево. Они – низшая ступень в преступной иерархии...

– А высшая – это власть?

– О-о, моя родная, ты ступила на шаткий путь философских построений... Мне этого не потянуть – я философией не увлекаюсь и тебе не советую. Такой хорошенькой девушке философские изыски противопоказаны! Но чтобы тебе стало немного понятнее, Игорь именно охраняет супермаркеты и бизнесменов от бандитских налетов чужаков-гастролеров – свои, местные, бандиты к нему не полезут. А если полезут и начнут пудрить мозги, он пожалуется «крыше», которая снимет проблемы с местными...

– Как «крыша» решит проблемы?

Маша наивно хлопала ресницами. Павел усмехнулся: вроде современная девушка, а дитя дитем, далека от реальной жизни, словно улитка на грядке, прозябает в своей психбольнице, заглядывая в рот всяким Алешковским, несущим бред про Зло, Сеятеля и Бойца... Ох, Маша Маша!

– «Крыша» решает все просто. К бандитам звонят люди, которые с ними контактируют из органов, и говорят, чтобы те не рыпались. А если они опять не понимают, этих «крутых бандитов» быстренько отстреливает взвод СОБРа или опера из ФСБ и победно объявляют на всю страну, что уничтожены опасные террористы, планировавшие взрывы и все такое... противозаконное... Все просто. Все знают про это. Странно, что ты не знаешь.

– А-а... – протянула Маша озадаченно.

– Что значит твое «а-а»?

– Теперь я тоже знаю. Как все.

В холл переговорного пункта уверенной походкой вошел молодой мужчина в легких светлых летних брюках и модной рубашке навыпуск. Мускулистый, подтянутый, с уверенным взглядом. Маша сразу поняла, что это и есть Игорь Соболев.

Увидев Павла, мужчина, покачивая рукой с дорогой борсеткой, обнажил в улыбке зубы, такие ослепительно-белые, что походили на знаменитый голливудский бренд. Маша поняла, что Игорь не далее как дня два назад основательно отбелил их в стоматологической клинике – такой белизны обычными зубными пастами не добьешься. Но все это временно. Скоро блеск поблекнет, и зубы приобретут нормальный, чуть желтоватый цвет от кофе, чая, коньяка и курева...

– Пашка! – вскричал Соболев.

– Игорек! – Павел тоже просиял.

Они обнялись.

– Каким ветром у нас?

– Да вот, отдыхаю. – Павел кивнул на Машу.

– С тобой?

Соболев-старший дружелюбно окинул Машу взглядом, и она поняла, что понравилась ему.

– Игорь! – Он протянул ей руку для пожатия.

Маша сконфузилась – не принято обмениваться рукопожатиями женщине и мужчине.

– Маша. – Совсем застенчившись, она пожала его сильную ладонь.

– Поехали, в парк прокатимся, – обернувшись к Павлу, сказал Соболев. Посмотрев на Машу, добавил: – Там пруд, прохлада, мороженое. – И завершил, снова глядя на Павла: – Там и поговорим.

Они вышли на улицу. У высокого ступенчатого крыльца переговорного пункта стоял с открытой дверцей черный «мерседес» старой модели. За рулем машины сидел бритоголовый мальш с сердитой физиономией.

– Твоя? – спросил Павел.

– Моя. И шофер мой, – с долей гордости отозвался Соболев.

– Завидую. Я все пешком хожу, никак на машину не накоплю.

– Честный мент никогда не купит себе дорогой машины! – засмеявшись, сказал Игорь.

– А в кредит?

– Не бери машину в кредит. Сам кредитами не балуюсь и тебе не советую!

– Что ж, зная твоего брата, скажу, что в отношении кредитов ты прав. Но у наших в управлении почти у всех есть колеса, и машинки новые, с наворотами, из дорогих автосалонов.

– Разве они честные, коллеги с крутыми машинами? – спросил Соболев.

– Разве нет? – спросил в ответ Павел.

– Тебе знать. Ты с ними работаешь...

###

Городской парк имел несколько обычных для всех российских парков отдыха «злачных мест»: тир, будку фотографа, аллею с лавочками, по которой приятно прогуляться, и несколько кафе с шашлыком, пиццей и пивом.

Кафе, которое рекомендовал Игорь Соболев, располагалось у живописного пруда. На этом пруду жили дикие утки – отдыхающие любили их подкармливать. Утки являлись местной достопримечательностью, и в местных теленовостях постоянно показывали, как юные горожане под присмотром счастливых родителей кормят птиц хлебом. Эдакий бренд уважаемой жизни местного разлива.

Машу оставили есть шоколадное мороженое и пить коктейль за столиком, под ветвями корявого клена, дающего прохладу, а Павел и Соболев-старший спустились к пруду. Людей сейчас на берегу не было из-за жары, а утки плескались и даже принялись кормиться, когда Игорь достал из своего кармана мятую булочку и начал кидать им кусочки в воду.

– На этом можно заработать, – сказал Павел.

– А? – не понял Игорь.

– Продавать в парке отдыхающим корм для уток...

– О-о... Х-хм... Ты же не об этом хотел поговорить.

Павел обрисовал ему свое желание проследить за одним из кандидатов в мэры.

Игорь озадачился и напрягся. Идея Павла не пришлась ему по душе – это было видно.

– Это не так просто, – заговорил Игорь осторожно, старательно подбирая слова. – Особенно сейчас, когда до дня выборов осталось всего ничего. У них знаешь какая охрана! Это раз. Идет война компроматов. Это два. Служба безопасности к ним и на милую не подпустит.

– Это три? – спросил с грустной усмешкой Павел.

– Нет. Три – это твой клиент. Наверняка он отвалит тебе массу бабла, а ты так хитро-мудро собираешься использовать друзей, на халявку... Я знаю, как оплачиваются политические заказы – по десятикратному тарифу!

Последние слова Игорь произнес жестко, со льдом в голосе.

– У меня нет клиента, Игорь, – просто отозвался Павел. Он понимал Соболева – посчитал его продажной сукой. Сейчас это случается часто и со многими... – Я сам провожу свое личное расследование, никем не заказанное...

– Зачем?

– Тут личное, – объяснил просто, чтобы у Игоря не возникло ненужных вопросов и сомнений.

– Из-за девочки? – Игорь сразу расслабился.

– Да, – солгал Павел.

Игорь расцвел в усмешке:

– Тогда понятно. Она ничего. Правда, молодая чересчур... Не боишься связываться с такой?

– В смысле?

– Она еще не перебесилась... Не нагулялась... Думает передком... Вообще не думает.

– Я буду думать за нее... А насчет службы безопасности нужного мне человечка есть у меня идея. Мне бы только прослушивающий жучок на пару суток одолжить, а дальше я все сделаю сам. У тебя же есть прослушивающая аппаратура?

– Есть. Дорогая она, рисковать неохота... И... это незаконно... Паша, почему некоторые полицейские всегда готовы нарушить закон, в чем дело?

– Я в отпуске.

– Из-за отпуска ты не перестаешь быть сотрудником полиции.

– Ох, как ты меня подколот!

– Не обижайся.

– Игорь, что ты мнешься? Я же... Ты же знаешь меня!.. Сделаю все чисто. Поставлю жука, послушаю, сниму жука, и все! Все! – Павел для убедительности развел руки в стороны.

Игорь внимательно всмотрелся в глаза Павлу:

– Что ты затеваешь, Паша?

Павел отвернулся, смотрел, как утки кидаются на куски белого мякиша, ныряют, плещутся. Ответил с дрожью в голосе:

– Ничего противозаконного, Игорь. Только хочу удостовериться в одном факте.

– Каком факте?

– Что я не сумасшедший.

– Брось эту дуру – она для тебя чересчур молода, и мысли о сумасшествии уйдут сами собой! Любовничек!

Соболев выбросил в воду остатки хлеба, посмотрел на Павла с большущим сомнением, но, переборов свое нежелание (старая дружба взяла верх в его душе), согласился:

– Я дам тебе жука. Хорошего. Слушать можно с большого расстояния. Но одна просьба – не попадись! А то и мне голову оторвут.

– Ты-то при чем?

– Здесь любая собака знает, что хорошую аппаратуру слежения имею только я!

– Игорь, здесь Москва рядом! Сюда любой может приехать с хорошей аппаратурой... Нет, не с хорошей, с изумительной, эксклюзивной, аховой...

– Аховой – это плохая...

– Да... С обалденной аппаратурой! Тем более ваш город заполнили москвичи, они рвут друг друга и всех без разбора... Тут такой аппаратуры прослушивания в городе сейчас море! Миллиард! И твою пикалку, даже в случае провала, примут на счет конкурентов!

– Врешь ты все! – улыбнулся Игорь и сказал честно: – Боюсь, если засекут, у меня возникнут проблемы, которые я не смогу решить... Никто их не сможет решить...

Павел был неумолим:

– Не ссы.

Они вернулись за столик к Маше.

– Ну как? – посмотрела она на Павла.

Тот незаметно кивнул, и она поняла, что все складывается хорошо, так, как планировал Павел.

Игорь посмотрел на свои часы.

– Ладно, у вас отпуск, у меня – работы невпроворот! Завтра в десять утра у центрального универмага ждите в машине. Там многолюдно. Мой человек принесет чемоданчик и все объяснит... А сейчас мне придется вас оставить...

– Спасибо, Игорь.

Павел многозначительно посмотрел на него, давая понять, что оценил его помощь, но Соболев отмахнулся:

– Как все закончишь, тогда поблагодаришь. Пока.

Они проводили Соболева взглядами. Он уходил пружинистой, уверенной походкой. Павел накрыл своей ладонью руку Маши. Она улыбнулась, руку не высвободила.

Душа Павла пульсировала победными маршами – он все делал правильно, и высшие силы ему благоволит. Маша будет его. И Римма Павловна его потешит. И он разрешит свои сомнения насчет писаний Алешковского.

«Какой хороший отпуск!» – подумалось Павлу.

Он наклонился к столу и зашептал тоном заговорщика:

– Я договорился взять у Игоря жучок для прослушивания. Самое сложное будет вклеить его в машину, в которой ездит «подозреваемый».

Маша рассмеялась слову «подозреваемый». Временами она воспринимала происходящее как увлекательную виртуальную игру, и ей было до ужаса интересно, а бывало, она вдруг начала ощущать, что оказалась втянута в круговорот зловещих событий, и тогда на нее накатывал настоящий ужас.

Маша высвободила руку и стала пить сквозь трубочку коктейль.

– Хочешь? – подняла стакан, не вынимая трубочки изо рта.

– Нет. Я к сладкому равнодушен... Так вот, нам надо поразмыслить, как всадить жука, которого нам одолжит Игорь... Но это завтра, когда увидим оборудование, узнаем его параметры, тогда и решим как. А когда жук будет на месте, мы послушаем, о чем говорит и о чем думает наш подопечный.

– Жук будет читать его мысли? – настороженно спросила Маша. Она не слышала, чтобы какие-то приборы могли читать мысли людей. Неужели Павел ей пудрил мозги?

Павел закатил глаза. Вообще, он считал, что все люди – разумные существа.

Он сказал медленно, чтобы Маша поняла и больше не переспрашивала:

– Обычно что на уме, то и на языке...

– Я знаю эту поговорку. Но это про пьяных так говорят: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

– Политики во время предвыборной борьбы похожи на пьяных. Это правило к ним относится на сто процентов. Что у трезвого политика на уме, то во время предвыборной гонки на языке. И они не стесняются!

– А если он ничего не скажет?

– А если сразу скажет?

– А если не скажет? – не унималась Маша. Павел вздохнул – как тяжело общаться с девушкой на политические темы! Он пожал плечами, улыбнулся ласково, чтобы прекратить дискуссию:

– Если ничего не скажет, мы посмотрим, что предпринять дальше... Идет?

Маша согласно кивнула.

– Прогуляемся по городу? – предложил Павел. – Купим сувениры.

– Давай.

Остаток дня они гуляли по пыльным улочкам, заходили в супермаркеты, книжные магазины, бутики с дорогой одеждой и обувью, в цветочные павильоны. Перекусывали в киосках быстрого питания «Блины» и «Манты-пельмени», поели ледяной крошки на великолепном квасе в столовой «Русская ложка», заглянули в скучный пыльный краеведческий музей и картинную галерею с отсутствием каких-нибудь реальных картин – выставка детского рисунка и развернутое наследие местного Пикассо Антона Желябы (племянника губернатора)...

Павел заглянул в ресторан и заказал столик, после чего они с Машей отправились отдохнуть от дневных приключений.

Расставшись с Машей, Павел поднялся на свой этаж, вошел в номер, быстро скинул потную одежду, забрался с нетерпением под душ, после походил по жаркой комнате, обсыхая с неудовольствием – как жаль, что не работает кондиционер. Римма Павловна на регистрации обещала: «Я приму меры», только цена этим обещаниям была ноль – Павел это знал. Он не настаивал – третьесортный город, третьесортная гостиница, третьесортные развлечения... Нет! Первосортное развлечение... Нет! Развлечение высшего сорта – Машу – он привез с собой! И он это развлечение получит! Он все силы приложит, чтобы насладиться... Но сейчас было душно – пришлось приоткрыть окно, но с улицы шла не прохлада, а беспощадный зной. У-у! Павел со злостью затворил окно. Проверил задернутые шторы, чтобы ни один лучик не мог проникнуть внутрь номера... Вентилятор, что ли, купить? А может, эти враги, персонал гостиницы, зная мучения постояльцев, делают левый бизнес, сдавая вентиляторы в аренду за наличку? Надо будет поинтересоваться...

Как следует отдохнув, Павел сменил одежду – из чемодана извлек серые льняные брюки и свежую рубашку. Нашел под стопкой маек, трусов и футболок несколько упаковок презервативов, оторвал три кондома. На всякий пожарный. Хотя Машу он рассчитывал обработать без помощи резинок, чтобы влить в нее несколько своих терпких струй... Все-таки секс с предохранением и секс напрямую несравнимы... Все это знают, кто занимался сексом... Это очень сладко, но это чревато последствиями... Потому Павел, прежде чем совершать свои «коварства», собирался узнать у Маши, очень тактично, предохраняется ли она, или совсем беззащитна, тогда-то и пригодятся «резинковые чулочки».

Так верилось Павлу. Так мечталось.

Он устало плюхнулся в мягкое кресло. Закрыв глаза, вспомнил разговор с Соболевым-старшим. Игорь ему прямо сказал, что не следует играть с огнем! Голос благоразумия внутри, обычно такой болтливый и все предусматривающий, на этот раз молчал. Иди, Пашка, на неприятности. Ему и дела не было, словно его это абсолютно не касалось! А Павел погибнет, и внутреннему голосу хана!

Павел вскочил нервно, стал расхаживать перед кроватью, оглядывая ее со всех ракурсов. Какой хороший сексодром! Это внутренний голос! О чем он думает, черт его дерит?!

Павел остановился.

А шепчет-то он правильно: зачем что-то проверять, влезать в глупую, опасную авантюру? Обработать вечером Машу, и ходу домой – девчонке наврать, что ничего нет...

Ей и не нужно никакой правды о писаниях в тетрадке сумасшедшего, ей просто понравился он, Павел, как мужчина... Они, девки, в ее возрасте полные дурехи. Их природа создала такими доверчивыми, чтобы их сразу оплодотворяли и они плодили новых людей, а потом они

становятся умными, чтобы подобрать себе самца-работягу, который вырастит это потомство, и они приносят новое, чтобы удержать терпилу на узде. Природа. Так размножается человечество.

Павел не хотел размножаться. Не собирался. А Маше плодить детей было рано – у нее еще голова не созрела для материнства.

Павел снова стал расхаживать перед кроватью. Глупо, все глупо.

Ладно, пришло время развлекаться!

Через десять минут он уже стучал в дверь Машиного номера.

– Кто там? – спросила она встревоженно.

– Это я, – прохрипел Павел, вождедея Машу как никогда. – Можно?

– Заходи. Я уже готова.

«К чему?» – удивился Павел. Наверное, не к тому, к чему он стремился... Напряженный «вялый» беспомощно опал. Вся его решимость ушла в пятки, стала нулевой. Он шагнул в номер Маши, словно ватный зомби...

«Что со мной? – спросил себя Павел, потрясенный своим состоянием. – Неужели я ее боюсь?»

Он вошел.

Маша, умело накрашенная, в строгом летнем платье, казалась чуть старше своего возраста, но от того была еще более притягательна.

Павел удовлетворенно хмыкнул – вот такую классную он ее и оприходует своим твердолюбим «гвардейцем»!

– Как я? – Она развела руки в стороны, крутнулась, показывая себя во всем великолепии.

– Отпад! – Это мнение было правдой. Спросил ласково: – Идем, Маша?

– Идем!

Они вместе спустились в вестибюль. Павел краем глаза заметил настороженный взгляд слоноподобной регистраторши. Тут же проскользнула мысль, что перед отъездом из этого милого города было бы неплохо проработать и распаренную гостиничную слонику. Он оглянулся. Римма Павловна плотоядно хмыкнула.

– Ты чего? – тоже оглянулась Маша.

– Подумал, не забыл ли чего.

– Не забыл?

– Нет. Деньги со мной. А большего в ресторан не требуется.

Они вышли на улицу. Было еще совсем светло и душно – до благословенной ночной прохлады терпеть и терпеть. По улице спешили прохожие. Вечером в центре было многолюдно.

Маша взяла Павла за руку. Он сжал ее ладонь. Хороший знак. Она сама дает ему понять – пора брать быка за рога. А иначе она бы и не поехала. Сразу ясно, что поехала с ним плотски резвиться, а не искать мистическое Зло. Эх, если потом откроется, что она совсем не невинная простушка, будет до ужаса обидно – давно бы уже принудил ее к минету прямо в машине, еще по пути в этот скромный городок.

Он ей поощрительно улыбнулся. Маша в ответ тоже улыбнулась – ни дать ни взять повзрослевшее дитя. Павел тут же отбросил мысли о даром потерянном времени и дальше шагал с легким сердцем. Все хорошо, он держит в руке ладонь прекрасной, доверчивой девушки, путешествие, ужин в ресторане, любовь. А бредни Алешковского – маленькое недо-разумение, вызвавшее в нем такую бурю переживаний из-за глупого, даже дурацкого, совпадения.

Они вошли в ресторан. Администратор зала указал дорогу к их столику. Охранник у входа подмигнул Павлу и тихо шепнул:

– Привет от Игоря.

– Он охраняет этот ресторан? – удивился Павел.

– Он много чего охраняет, – отозвался охранник, скаля улыбку. – И кого.

Поддерживая Машу под локоток, Павел проводил ее к крайнему уютному столику, расположенному недалеко от эстрадного подиума, где располагались музыкальные инструменты. Музыкантов пока не было – музыка лилась из мощных динамиков музыкального центра. Несколько столиков уже занимала местная публика, с виду все приличные люди.

Официант помог Маше сесть, вручил им папки с меню. Маша, как ребенок, испуганно глядела на богатый интерьер и совсем не читала меню. Павел быстро скользнул взглядом по ценам – приемлемые, можно не мелочиться.

– Тебе помочь?

Маша улыбнулась, захлопнула меню:

– Да, пожалуйста.

Павел сделал заказ, только вместо вина Маша попросила розового шампанского. Официант тихо ушел, оставив их смотреть друг на друга.

– Ты красивая, – сказал Павел, представляя, как было бы здорово уже сейчас сорвать с нее это платье, развернуть лицом к стене и с надсадным оттягом овладеть, неторопливо и глубоко. Но придется ломать комедию, есть и пить, танцевать, ждать, словно притаившийся хищник на охоте, когда она захмелеет, незаметно переводя разговор в скользкое русло пошлых намеков.

– Что еще скажешь? – Маша улыбнулась.

– Ты очень красивая.

– Скажи, что ты хочешь меня... – Она замолчала и выразительно качнула головой. – Да?

– Я нормальный мужчина. Конечно, я тебя хочу. Было бы странно, если бы я тебя не хотел. – Павел смутился от ее прямого вопроса. Что-то слишком рано они перешли к главной теме.

– Понятно. – Маша хмыкнула.

– Что, нельзя?

– Посмотрим.

Официант неслышно их обслужил, расставив на столе закуски и салаты, наполнил бокалы шампанским, опустил бутылку в ведерко со льдом и, пожелав приятного аппетита, ушел.

Они подняли бокалы.

– За нас! – Павел посмотрел Маше прямо в зрачки ее голубых с поволокой глаз.

– И за удачу! – отозвалась она.

Они тихонько стукнулись бокалами. Маша залпом выпила газированное вино. Павел только пригубил.

– Не люблю шампанское. Я налью себе водки. Хорошо?

– Хорошо.

Он наполнил рюмочку из пузатого графинчика, опрокинул водку в рот, обжег небо и сразу закусил салатом.

– У тебя было много мужчин? – спросил он в лоб. Разговор пошел прямой. Он решил не вилять.

Маша не удивилась вопросу, пожала плечами, подцепив вилкой пластик осетрины, съела.

– Налей мне еще шампанского.

– С удовольствием. Он наполнил бокал.

На этот раз она выпила только половину.

– Так как с мужчинами?

Он вдруг подумал, что она может оказаться девственницей, у которой задвиг отдаться мужу только после бракосочетания, и тогда его мечте о жаркой неделе секса с юной аппетитной красоткой придет конец. И тут же он успел подумать, что все равно стоило бы ее соблазнить, а потом и жениться. Такая приятная девушка, и вдруг его супруга – все управление от зависти изойдется, а потом он будет пропадать на работе ночами, а ее в это время начнут посещать

разные «супербои», и у него в управлении появится кличка Олень. Будет прекрасная оперативно-следственная парочка – Мишка Соболев и Пашка Олень.

– Что сразу погрустнел? – Маша улыбнулась. – Давай еще выпьем.

– Давай.

Он налил себе водки, и они выпили, принялись есть, поглядывая друг на друга и улыбаясь.

– Не знаю, может, тебя это разочарует, но у меня были мужчины... Сейчас девушки рано теряют девственность, – сказала Маша, вытирая рот салфеткой. – Вкусно все. Да?

– Вкусно.

Павел тут же признался себе, что мечта о скорой женитьбе и перспектива стать оленем рассыпались. Тут же подумал, что, если Машу драл не полк, и не батальон, и не микрорайон, в котором она проживает, он был бы не прочь закрутить с ней по-серьезному.

– Почему ты меня спросил про мужчин? Я ведь не интересуюсь, были у тебя женщины или нет, – сказала Маша.

– Было бы странно, если бы я, дожив до тридцати пяти лет, остался девственником.

– Ты не был женат?

– Как-то не получилось. А у тебя много было «друзей»?

– Зачем тебе это?

Павел пожал плечами:

– Может, у меня серьезные намерения.

– Хм. Верить тому, что говоришь?

– Я серьезно.

Маша убрала фривольную улыбку, протянула ему пустой бокал:

– Наполни. Какой ты неловкий кавалер. Совсем не умеешь ухаживать за дамой.

– Прости. За что будем пить?

– За все хорошее. Знаешь такой тост: чтобы всегда стоял и деньги были?

– Это мужской тост.

– И женский тоже.

Павел налил себе водки, они чокнулись, выпили. Маша расправила льняную салфетку на коленях, оглянулась – сзади слишком шумела усевшаяся недавно компания из четырех развязных молодых людей. Они или только вышли из мест заключения и считали себя королями жизни, или активно готовились к посадке, презирая все правила поведения в общественных местах.

– Мой ответ может что-то изменить?

– Посмотрим.

– У меня как бы и было, и не было серьезных отношений.

Павел понял, что Маша захмелела и собралась поделиться наболевшим.

– Полгода назад у нас работал один санитар – Орухов, сутулый такой тип, худой, вечно плохо выбритый. Он бритый был, но неаккуратно. Под потолок рост. У самого в уме не все в порядке. Он любил выпить и покалякать. Я как-то дежурила по этажу, устала чертовски. Он меня и соблазнил выпить. Мы забрались в кладовую, сели на пол, среди швабр, ведер, тряпок. Стали пить водку или спирт разведенный. Он о чем-то бубнил, неинтересно так. Я ему о своих делах лопотала – уже пьяная, без закуски же пили. Потом дурно сделалось – плохо все помню. Но нас застучал наш главврач. Орет, стоит над нами, а я не пойму, в чем дело? Потом в мозгу что-то щелкнуло, сознание прояснилось, смотрю – ба, я лежу на полу согнутая, колени в лицо упираются, и Орухов меня пялит, не останавливается – кончить спешит, скотина. Хорошо, главврач двинул его ногой, а то вкатил бы полную порцию... Короче, главврач дал ему ногой в спину. Орухов выгнулся от боли и вскочил. У него такой член! Членище! Мне аж дурно стало, что такое бревно во мне елозило. Член у него покачивается еще, я на полу лежу, встать хочу,

чтобы трусы надеть, халат запахнуть. И тут Орухов с криком выпустил струю (до сих пор меня передергивает от омерзения!) – и прямо главврачу на брюки. Тот взвизгнул, стал Орухову в морду кулаки совать, в кровь все разбил. Орухова с треском уволили, а со мной дело замяли – главврач пару раз в неделю, если у него стоял, обрабатывал меня в своем кабинете через презерватив, но меня это никогда не возбуждало. Я до сих пор не знаю, насколько это приятно – заниматься сексом.

– Мрачная история, – отозвался Павел.

Его разочаровала весть, что у Маши были мужчины, причем все было так приземленно, неэстетично. А он терзался – вдруг она еще не женщина, девушка... Девушка-то девушка, да с поганым опытом. Алкаш-санитар, мерзкий слабосильный главврач, делающий мужское дело торопливо, эгоистично радуясь, что удалось подцепить безропотную дуру прямо на рабочем месте.

Он тут же подумал, что зря не попытался склонить ее к минету еще в машине, как только выехали за город, – это было бы не сложно. Налил себе еще водки и залпом выпил. Понюхав кулак, он заметил, что на него пристально смотрит отвратительный тип из-за соседнего столика. По жизни не терпел таких ублюдков.

– Что вылупися, козляра? – громко спросил Павла тип, скривив губы в гримасу омерзения. Друзки типа замолкли и тоже враждебно уперли тяжелые взгляды в злого Павла.

– Паша, не надо, – испуганно попросила Маша.

Но Павел уже завелся. Он резко встал, отодвинул стул. Хамивший тип, все так же вальяжно сидя на своем стуле, спросил:

– Что дальше, козляра?

Павел пушечным ударом отправил кулак в ненавистную физиономию. Раздался страшный грохот – хам вместе со стулом полетел под соседний столик. Остальные вскочили, опрокидывая свой стол, и сразу же обрушили на Павла град ударов кулаками, стульями, бутылкой. Женщины закричали...

###

Павел очухался в вестибюле гостиницы. Над ним стояли двое парней в камуфляжной форме. Он полулежал в кожаном кресле. Римма Павловна прикладывала к его рассеченной брови влажный компресс. Маши не было.

– Где Маша?

– Тише. Лежи. – Римма погладила Павла по голове, а ему стало обидно. Из-за той стервы ввязался в драку, а ее нет рядом.

– Все путем. – Охранник из ресторана нагнулся, заглянул Павлу в лицо. – Очухался? Еле вас развели. Здорово ты отбивался, а тому козлу славно засветил. Они из местной братвы. Рынок держит их босс. Так, сявки, но выпендриваются, ищут срок на свои задницы. Игорь с ними разберется, он уже знает – ему звонили. А твоя девка с ментами в ресторане, показания дает в твою защиту, мол, все те хулиганы начали.

– Я пойду за ней.

– Куда ты пойдешь? Лежи! – удержала регистраторша, навалившись на Павла пышной грудью.

Он ощутил ее запах и тут же захотел ее. Член упруго затвердел, и он перестал думать о Маше.

– Там наши парни, – сказал охранник. – Как только менты ее отпустят, проводят до номера. А мне пора.

– Да, идите, мы тут сами, – торопливо заверила охранников регистраторша.

Когда они ушли, она плотоядно устала на тугой холм в брюках Павла.

– Ого! – погладила она холм.

Павел радостно заулыбался – понятливая тетка.

Регистраторша помогла ему подняться, взвалила на свое плечо и повела наверх. Пройдя по пустому коридору, она открыла дверь номера. Павел рухнул на заправленную кровать. Все, он в горизонтальном положении.

Регистраторша нетерпеливо расстегнула его ремень и стянула брюки вместе с плавками. «Гвардеец» был готов к бою. Павел закрыл глаза – пусть делает что пожелает, лишь бы не кусалась...

Павел громко застонал от наслаждения и стал внимательно наблюдать за действиями регистраторши. Он с какой-то мстительной радостью подумал, что у этой коровы есть муж-рогач, дети-оболтусы, и вся она такая положительная и примерная, а вот стоит на коленях и гложет у молодого мужика, аж давится, тварь, от удовольствия.

От его пристального взгляда регистраторша вдруг смутилась, прекратила занятие...

– Чего?

– Ничего, – хрипло отозвался Павел.

Она заулыбалась, посмотрела на член, спросила у Павла:

– Он прекрасен, правда?

Павел поглядел на «гвардейца». Обычный член. Стандартный. Ничего мало-мальски привлекательного и достойного любования...

Но регистраторша уверенно заявила:

– Он великолепен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.